

Возникший аффект, свертывая возможность реальной оценки ситуации, обуславливает направленность действий лица, переживающего эмоциональный взрыв, на устранение имеющегося раздражителя. В связи с этим умысел на причинение вреда жизни или здоровью провокатора формируется и осуществляется почти мгновенно. Между тем судебная практика фиксирует случаи, когда некоторый временной разрыв между формированием умысла и его реализацией создается в связи с совершением виновным определенных спонтанных действий (например, лихорадочное приискание подручных средств). Нередко подобные действия являются результатом аффективного состояния субъекта, отличаясь одержимостью и непрерывностью движений, направленностью на объект провокации. Это дает основание допустить наличие некоторого временного промежутка между формированием умысла и преступными действиями виновного. Следовательно, трактовка внезапности возникновения аффекта как немедленной реакции на провокацию со стороны потерпевшего безусловна с теоретической и практической точек зрения.

В научной литературе встречается мнение, что внезапность сильного душевного волнения имеет две составляющие – субъективную и объективную. По мнению Э.Л. Сидоренко, внезапность в субъективном смысле означает неожиданность аффективных проявлений для самого виновного, в объективном – их неожиданность для других лиц (потерпевшего, свидетелей). Не оспаривая выделение субъективного компонента внезапности, полагаем, что оценивать значимость его объективной составляющей следует критически, поскольку о неожиданности аффекта для присутствующих граждан можно говорить лишь в том смысле, что взрывная эмоциональная реакция (по общему правилу) не является характерной для поведенческого модуса виновного. При этом между субъективной внезапностью аффекта и его неожиданностью для провокатора и очевидцев не существует прямой зависимости: последнее никак не обуславливает первое.

В уголовно-правовой науке также существует понимание внезапности как неожиданности провокации. Так, И.О. Грунтов считает, что внезапность возникновения аффекта обусловлена неожиданным поведением потерпевшего. Как полагает Н.А. Бабий, внезапность возникновения аффекта означает, что событие, его вызвавшее, является для лица субъективно неожиданным. Безусловно, практика часто сталкивается с ситуациями, отличающимися очевидной неожиданностью провокации. Однако статистические данные свидетельствуют о значительном количестве аффективных посягательств, вызванных длительной психотравмирующей ситуацией. Поскольку в подобных случаях причиной возникновения сильного душевного волнения является кумуляция (накопление) эмоционального напряжения ввиду систематических противоправных или аморальных действий потерпевшего, внезапность аффективной реакции виновного ставится под сомнение. Считаем, что подобный подход допускает отождествление понятий «внезапность возникновения конфликта» и «внезапность возникновения аффекта». Для кумулятивной реакции не свойственна внезапность возникновения конфликта, поскольку психотравмирующая ситуация развивается постепенно, формируя у виновного абстрактное ожидание возможности новой провокации. Однако конкретное предвидение времени, формы, силы провоцирующего воздействия у него отсутствует, что, безусловно, свидетельствует о том, что очередной виктимный акт потерпевшего может быть для виновного субъективно неожиданным.

Внезапность провокации является важной, но не всеобъемлющей характеристикой внезапности сильного душевного волнения, поскольку неожиданный провокационно-поведенческий акт автоматически не влечет возникновения аффективных реакций. Сила воздействия негативных раздражителей определяется в первую очередь субъективным восприятием конфликта, лично значимым смыслом обстоятельств, в рамках которых действует виновный. В связи с этим обоснованной представляется позиция ученых, которые внезапность аффекта трактуют как резкое, интенсивное и субъективно неожиданное для лица нарастание эмоционального накала, вызванное лично значимой остроконфликтной ситуацией.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что для решения вопроса о внезапности сильного душевного волнения следует исходить не столько из наличия либо отсутствия временного промежутка между противоправным или аморальным поведением потерпевшего и ответным деянием виновного, сколько из совокупности иных значимых по делу обстоятельств, в том числе имеющих субъективно значимый оттенок (индивидуально-психологические черты виновного, характер провоцирующих действий потерпевшего, особенности межличностных отношений участников конфликта, разновидности аффективной реакции).

УДК 343.226 (470 + 476)

*Г.Ф. Хаметдинова*

### **КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Анализ современного зарубежного уголовного законодательства, науки уголовного права позволяет более глубоко понять право своей страны и дает возможность совершенствовать его с учетом как собственного, так и чужого опыта. В равной мере сказанное относится и к нормам, образующим институт обстоятельств исключаящих, преступность деяния.

Крайняя необходимость как обстоятельство исключаящее преступность деяния, известна законодательству обеих стран (ст. 39 УК РФ и ст. 36 УК Республики Беларусь). В то же время сама система этих обстоятельств значительно отличается.

Так, по уголовному законодательству Беларуси наряду с известными российскому законодательству необходимой обороной, причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимостью, обоснованным риском и исполнением приказа или распоряжения к обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, относятся отсутствующие в УК России ошибка в наличии обстоятельств, исключаящих преступность деяния (ст. 37 УК Республики Беларусь), и пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК Республики Беларусь). И наоборот, в УК Беларуси не предусмотрено физическое или психическое принуждение (40 УК РФ).

Белорусский законодатель счел необходимым в одной главе с обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, закрепить норму об ошибке в наличии таких обстоятельств.

УК Беларуси выделяет два вида ошибок в обстоятельствах, исключаящих преступность деяния:

если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны (ст. 34), крайней необходимости (ст. 36) либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление (ст. 35), но по обстоятельствам дела не должно было

и не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются по правилам ст. 34, 35, 36, т. е. как действия, совершенные в состоянии указанных обстоятельств (ч. 1 ст. 37);

если лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, то оно несет ответственность как за преступное деяние, совершенное по неосторожности (ч. 2 ст. 37).

Иначе говоря, добросовестное заблуждение относительно обстоятельств белорусский законодатель рассценивает как правомерное деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих преступность. При небрежном или недостаточно внимательном отношении, когда лицо должно было и могло осознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, ответственность наступает как за преступное деяние, совершенное по неосторожности.

В действующем УК России в нормах об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, отсутствует положение об ошибке. Более того, нет и общей нормы, закрепляющей юридическую и фактическую ошибки, хотя в теории уголовного права институт ошибки достаточно разработан. Решение данного вопроса видится в одном из трех возможных вариантов: дополнить Общую часть УК РФ нормой об ошибке в уголовном праве; дополнить гл. 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» УК РФ общей нормой, регулирующей вопрос об ошибке применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния; разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации с внесением соответствующего разъяснения о правилах квалификации деяния, совершенного при ошибочном восприятии ситуации лицом, как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Реализация последнего варианта видится, наиболее приемлемой. Первые два варианта затратны и долгосрочны, поскольку требуют соблюдения особой законодательной процедуры. Возможность дать правоприменителю более полное и детальное разъяснение вопросов, возникающих при квалификации рассматриваемых деяний (чего невозможно достичь введением нормы в уголовный закон, которая в последующем также потребует разъяснений), дает еще одно преимущество предлагаемому нами варианту решения вопроса.

По нашему мнению, учитывая опыт белорусского законодателя, положение о фактической ошибке при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должно звучать следующим образом: если лицо заблуждалось в существовании опасности, но должно было и могло это предвидеть, то должна наступать уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда; если по обстоятельствам дела лицо предполагало наличие опасности и при этом не должно было и не могло предвидеть своей ошибки, имеет место невиновное причинение вреда.

Формулирование крайней необходимости по законодательству обоих государств также имеет некоторые отличия.

Более близким к отечественному праву и, на наш взгляд, правильным и полным является перечень объектов, указанных в УК Беларуси, – правоохраняемые объекты самого лица, другого лица, общества и государства. Непосредственно угрожающая опасность, как и в УК России, служит основанием возникновения ситуации крайней необходимости по УК Беларуси.

Представляет интерес позиция белорусского законодателя, который признает состоянием крайней необходимости также случаи, когда действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить (ч. 2 ст. 36 УК Беларуси). Считаем целесообразным закрепить данное положение в ст. 39 УК РФ.

Подобно УК России отсутствие иных средств устранения опасности рассматривается в качестве условия правомерности крайней необходимости в УК Беларуси.

Уголовный закон Беларуси, обращаясь к вопросу о соразмерности вреда, признает правомерной крайнюю необходимость, в результате которой причиняется вред меньший, чем предотвращенный. Причинение вреда равного или более значительного согласно отечественной норме признается превышением пределов крайней необходимости (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Институт превышения пределов крайней необходимости, известный УК РФ с 1996 г., не получил закрепления в уголовном законе Беларуси.

Как можно заметить, законодательная норма УК Беларуси не содержит указания на субъективный признак деяния, совершенного при превышении пределов правомерности. Следовательно, можно предположить, что допущенный эксцесс, совершенный с любой формой вины, в отличие от отечественной нормы может служить основанием не только для смягчения наказания, но и для отказа от назначения наказания.

Анализ законодательно закрепленных условий правомерности крайней необходимости в целом свидетельствует о единообразном понимании правовой сущности данного обстоятельства как в УК РФ, так и в УК Беларуси.

Сравнительный анализ уголовно-правовых норм показал, что УК России отличает от УК Беларуси наличие критериев превышения пределов крайней необходимости, отсутствие которых, на наш взгляд, затрудняет процесс правоприменения.

УДК 343(32 + 33 + 34 + 61 + 97)

*Д.Л. Харевич*

## **О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭКСТРЕМИЗМ» И «ТЕРРОРИЗМ»**

В научной литературе существует общепризнанное мнение о том, что терроризм и экстремизм являются родственными явлениями, которые соотносятся как часть с целым. Выражаясь условно, терроризм является подсистемой экстремизма, что также отражено в нормативных формулировках ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму». Вместе с тем вопрос о границах между экстремизмом (в узком понимании) и терроризмом исследователями окончательно не разрешен.

В одной из своих работ Ю.В. Латов высказал мнение о том, что «грань между экстремизмом и терроризмом – систематическое применение идеологически мотивированного насилия в политических целях». Критически оценивая систематичность применения насилия как критерий различия между экстремизмом и терроризмом, считаем, что данный признак не отражает объективно сложившуюся картину. Например, систематичность применения насилия скинхедами в отношении представителей других национальностей не делает их террористами, разовое применение насилия при террористическом акте не позволяет относить совершенное деяние к экстремизму. Полагаем, что грань, отделяющая данные проявления, более сложна и требует более глубокого исследования.